6676 г. (а не 6675 г.), а в Лаврентьевской ошибочно указан день смерти — 21 марта (а не 14 марта). Видимо, составители «Книги о российских святых» опирались на источники, отличные от киевской и суздальской летописных традиций, — очевидно, на местную киевскую внелетописную традицию, возможно связанную с Федоровским монастырем. Хотя сведений о функционировании Федоровского монастыря в послемонгольское время нет, что дало Голубинскому повод заключить о его разрушении монголами,[27] развалины монастыря стояли еще в XVII в.[28] Возможно, что источником «Книги о святых» в этой части были сохранившиеся местные монастырские памятные записи, хотя исключить возможность использования в ней материалов и смоленского происхождения также нет оснований.

9. Исследователь, занимающийся памятниками права древней Руси, дипломатикой древнерусского акта, не может не обратить внимания на определенную близость некоторых составных частей Похвалы Ростиславу и порядка их расположения к обычным дипломатическим формулярам средневекового документа. Действительно, части Похвалы находят соответствие в целом ряде типичных актовых компонентов.[29] Так, фраза «божием повелением и святые богородици, и отца своего молитвою» находит прямое соответствие в «аренге» документов — мотивировке поступка князя, часто духовной, указанием свыше; фраза «прииде первое... и здума с бояры своими и с людми» может быть сопоставлена с «наррацио» актов — рассказом о фактах, приведших к записи воли издателя документа; текст «и постави епископа... и землю просвети» очень близок к актовому «диспозицио» — изложению этой воли или действий, создающих новое правовое состояние. Далее, Похвала включает также своеобразную «санкцию» — обещание вознаграждения тому, кто сравнится с Ростиславом своими поступками, и лишения высшей поддержки тому, кто не последует этому примеру. Наконец, Похвала завершается пожеланием вечной памяти Ростиславу и многолетия его наследникам. Даже эта фраза вместе с заключительным «аминь» может быть сопоставлена с завершающим актовым компонентом — «аппрекацио», т. е. пожеланием, чтобы документ был действительным вечно.

Результаты сравнения структуры Похвалы Ростиславу с актовым формуляром весьма любопытны. Они могут быть объяснены прежде всего тем, что сознание человека средневековья было, очевидно, определенным образом связано юридическими формами, что особенно проявлялось в такого рода сочинениях о князьях, представителях высшей государственной власти.

Автор Похвалы Ростиславу здесь не является одиноким. Подобные же части, соответствующие компонентам актового формуляра, можно проследить и в Похвале Владимиру Илариона, хотя они там не так бросаются в глаза, как в смоленской Похвале. Там также есть своеобразная «аренга» («прииде на нь посещение вышнего, призре на нь всемилостивое око благого бога...»), и «наррацио» («И се слышав, възжела сердцем и възгореся духом...»), и «диспозицио» — подробный рассказ о том, что сделал Владимир, окрестив Русь. Здесь отразился даже такой компонент формуляра, отсутствующий в Похвале Ростислава, как «корроборацио» — перечисление свидетелей, которые утверждают акт, придавая ему обязательную силу.

---

[27] Е. Е. Голубинский. История канонизации святых..., стр. 58, 365.

[28] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 276.

[29] Из большой литературы по дипломатике акта укажу: K. Maleczyński. Zarys dyplomatyki polskiej wieków średnich, cz. 1. Wrocław, 1951, ss. 23—26, С. М. Каштанов. Дипломатический состав древнерусского акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. II. Л., 1969.